

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НАУКИ

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432000, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности пересмотра ортодоксальных марксистско-ленинских философских принципов в условиях идеологического пресса и контроля в 1970-х гг. и начала 1980-х гг. Анализируются концепции, идеи и подходы, в контексте которых осуществлялся этот пересмотр и возникали новые концепции, которые являлись пост- или даже не вполне марксистскими по своей природе. Показывается, что пересмотр ортодоксального марксизма только был возможен и происходил путем искусного использования концептуальных и понятийных конструкций ортодоксального марксизма-ленинизма для того, чтобы избежать обвинений в ревизии марксизма, распространении идеологически чуждых советскому обществу идей, которые нарушали чистоту и целостность марксистско-ленинского учения. Особый акцент делается на версиях деятельностного подхода, представленного в трудах И.С. Алексеева и М.А. Розова. Разработка этого подхода явилась важным и эвристически весьма ценным достижением одного из направлений развития неортодоксального марксизма, которое фактически осуществило прорыв за границы достаточно жестко очерченных догм традиционного марксизма-ленинизма.

Ключевые слова: идеологизированная наука, марксистско-ленинская философия, деятельностный подход, И.С. Алексеев, М.А. Розов

POST-SOVIET MARXISM IN THE SOVIET ERA: ACTIVITY APPROACH TO THE ANALYSIS OF SCIENCE

Valentin A. Bazhanov – DSc in Philosophy, professor. Ulyanovsk State University. 42 Tolstoy St., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Author discusses the specifics of the orthodox Marxist-Leninist philosophical principles in the context of ideological pressure in 1970–1980 s. He analyzes the concepts and approaches that have given rise to some new Post-Marxist ideas. He shows that the revision of the orthodox Marxism was possible exclusively due to the delicate usage of Marxist-Leninist conceptual background. He claims that it was necessary to in order to avoid accusations in revisionism and popularization of ideologically alien views. The author pays special attention to activity approach, which was represented in the works by I.S. Alexeev and M.A. Rozov. He argues that the development of this approach was one of the most significant achievements of non-orthodox Marxism in the Soviet era.

Keywords: ideology, science, Marxism-Leninism, philosophy, activity approach, Alexeev, Rozov

Марксизм в качестве государственной идеологии породил феномен идеологизированной науки [Ахундов, Баженов, 1989; Бажанов, 2009], который являлся определяющим для развития советской философии почти до конца 1950-х гг. Этот феномен еще долго давал о себе знать – вплоть до начала 1980-х гг.¹ Он выражался в стремлении некоторыми учеными «старой закалки» препарировать достижения науки под углом зрения ортодоксального марксизма, используя тяжелую артиллерию из цитат классиков марксизма-ленинизма. Речь идет не только о философах, но и крупных ученых (например, Д.И. Блохинцеве, Я.П. Терлецом и даже А.Д. Александрове, который вообще-то старался придерживаться высоких нравственных норм). Более того, еще в середине 1980-х гг. внутренние редакторы многих издательств принудительно, без согласования с авторами, вставляли в статьи (особенно энциклопедий и справочников) в «нужных» местах «нужные» высказывания классиков марксизма-ленинизма, и правильность всех такого рода высказываний, которые использовались самими авторами, необходимо было удостоверить собственноручной подписью.

Железобетонное господство государственной идеологии, между тем, не могло продолжаться вечно. Ростки «живой» философской мысли начали энергично пробиваться после Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания 1958 г., хотя эти ростки часто *внешне* напоминали соответствующие фигуры, характерные для идеологизированной науки, – голословно поругивали буржуазных философов и ученых, содержали заверения в верности марксизму-

¹ Например, даже в конце 1979 г. был осуществлен мощный «наезд» на логические исследования в СССР. И это тогда, когда логика в приличных объемах преподавалась на всех юридических факультетах и даже на специальности «научный коммунизм». В 1979 г. в главном идеологическом журнале «Коммунист» появилась пространная статья (как это часто бывало в таких случаях) совсем неизвестного автора, уже в который раз в духе большевистского максимализма провозглашавшего классовый подход к логике и партийность в логике (и, стало быть, партийность основывающейся на ней политики). В статье говорилось, что за *любыми* утверждениями, включая те, которые делаются в логике, надо «разыскивать интересы тех или иных классов, за логикой слов – логику мыслей», нельзя терпеть нападок на «алгебру революции», которые характерны для «мещанско-обывательского способа мышления» логического позитивизма [Садовский, 1979, с. 63]. Будучи учением о «внешних формах мышления», формальная логика оказывается враждебной диалектико-материалистической концепции логики как науки о всеобщем развитии и единстве противоположностей, представляющей собой «душу революционной теории». Здесь, по мнению автора, идет речь о двух противоположных типах мышления – «пролетарски-революционного и буржуазно-мещанского»; первое вскрывает закономерности развития общества, а второе используется для фальсификации идей научного коммунизма и представляет собой «профессорское фразерство» и «философско-математическое фиглярство», протаскивающее идеализм в подлинную науку [Садовский, 1979, с. 69, 65, 70–71].

ленинизму, решениям коммунистической партии, недавних съездов, пленумов ЦК, совещаний, да и диалектический материализм считался единственно верной методологией научного познания.

Между тем некоторые мыслители с помощью отдельных кирпичиков из отдельных цитат К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и комбинаций цитат выстраивали пост- или даже немарксистские по своей сущности философские системы. В них прежде всего фактически отрицалась альфа и омега марксистско-ленинской философии – теория отражения, которая всегда трактовалась как важнейшее достижение гения В.И. Ленина, которое он изложил в «Материализме и эмпириокритицизме» как итог анализа «новой революции в естествознании и физике».

Как же такой «ревизионизм» стал возможен в условиях достаточно мощного идеологического пресса и контроля в 1970-х гг. или начала 1980-х гг.? В чем, каких концепциях, идеях, подходах, он конкретно был представлен? Благодаря каким положениям можно утверждать их пост- или даже немарксистское содержание? Какова своеобразная логика их изложения? И, наконец, по каким причинам этот «ревизионизм» не был замечен ревнителями марксистско-ленинского мировоззрения «вовремя»?

Начнем с последнего вопроса, который проливает свет на причины, которые подорвали цитадель государственной марксистско-ленинской ортодоксии².

Во-первых, критическая масса советских философов-неортодоксов, которые занимались гносеологией и/или философией естествознания, уже в середине 1970-х гг. серьезно перевешивала ортодоксальную часть. К этому моменту многие философы, которые твердо отстаивали ортодоксальную точку зрения еще в конце 1950-х гг., мутировали в направлении неортодоксальной позиции. Например, если в 1951 г. М.Э. Омеляновский рассматривал принцип дополнительности Н. Бора как «идеалистическую фальсификацию действительного содержания квантовой механики» [Омеляновский, 1951, с. 151] и еще в 1956 г. писал о «борьбе материализма и идеализма в области квантовой механики», о том, что «многие видные физики не справились с философским анализом квантовых явлений», об их «философской беспомощности», о том, что «принцип дополнительности проистекает из субъективного идеализма», а понятие физической реальности является позитивистским [Омеляновский, 1956, с. 8–10, 17, 23], то к 1970-х гг. он круто пересмотрел свои

² На негосударственном уровне, уровне отдельных людей, которые придерживались марксистских взглядов, иногда их вклад в науку и философию оказывался весьма неожиданным (в смысле результатов) и плодотворным (в смысле значения для будущего). Достаточно, например, вспомнить, что ассимиляция логического позитивизма и начало исследований в области философии науки в Америке обязаны эмигрантам-коммунистам из России [McCumber, 2001; Reisch, 2005].

взгляды. Он выявлял «диалектический смысл» квантовой теории и утверждал, что «копенгагенская интерпретация квантовой теории не является позитивистской», концепция дополнительности имеет «положительное философское значение» и «давно разрабатывается на более глубокой основе [чем на Западе. – В.Б.] диалектическим материализмом» [Омельяновский, 1970, с. 25]. Еще ранее аналогично пересмотрели свои точки зрения Б.М. Кедров, И.В. Кузнецов, Н.Ф. Овчинников, которые к тому же занимали достаточно важные институциональные высоты. Прозрение к ним пришло позже, нежели к С.А. Яновской, которая в 1930-х гг. громила «идеализм» в математике, а в 1940-х гг. предпринимала титанические усилия по возрождению логико-математических исследований [Vazhanov, 2001; Бажанов, 2007]. Это был результат мучительного переосмысления реального положения дел в науке и переоценки примитивных идеологических догм, вызванной, по-видимому, главным образом интенсивным самообразованием [Акчурина, 2000; Ахундов, Баженов, 2000; Кузнецова, Розов, 2000]. «Обращение к науке, к логике и эпистемологии для многих... становилось уходом в такую тематику, где можно было сохранить себя в философии. Между прочим, аналогичный выбор делали те, кто уходил в историю философии», – справедливо замечает Б.И. Пружинин [Пружинин, 2014, с. 109].

Во-вторых, «ревизионисты» умело мимикрировали под ортодоксальных марксистов и прикрывались от идеологических нападков внушительным щитом из высказываний классиков марксизма-ленинизма. Опровергать их концепции фактически означало выступать против классиков.

В-третьих, профессиональный уровень и квалификация ортодоксальных марксистов заметно не дотягивала до профессионального уровня и квалификации свежей генерации их коллег. Эта генерация была склонна забыть сравнительно недавние резко негативные оценки концепции дополнительности своих старших коллег и не вдаваться в неподходящие (да и вряд ли возможные) идеологические дискуссии. Так, во вводной статье сборника сотрудников Института философии АН СССР «Принцип дополнительности и материалистическая диалектика» (М., 1976) книга М.Э. Омельяновского 1947 г. [Омельяновский, 1947] во многом вопреки ее реальному содержанию называется в качестве труда, раскрывающего «диалектический характер» данной научной концепции [Баженов, 1976, с. 5].

Вовсе не случайно освобождение от догматического марксизма началось с философии естествознания. Думается, что те же причины, которые породили феномен идеологизированной науки, эти же причины породили и причины его преодоления: В.И. Ленин провозгласил принцип партийности философии (имея в виду «партии» идеализма и материализма), который, однако, адептами новой идеологии был «развит»

до буквального понимания партийности марксистской философии как идеологии эпохи диктатуры пролетариата, но В.И. Ленин провозгласил и принцип союза философов-марксистов и представителей естествознания, который в 1950 гг. был «развит» до принципа союза философии и естествознания. Работа шла именно под знаменем этого союза, который был выгоден и естествоиспытателям, желавшим освободиться от идеологического пресса, и философам, которые понимали безысходность следования доктрине ортодоксального марксизма-ленинизма.

Понятие «философии науки» долгое время – фактически до начала 1990-х гг. – считалось термином буржуазной философии, выражавшим едва ли не пафос «сциентизма», который благодаря «ориентации на позитивную науку (преимущественно естествознание)... под предлогом борьбы с умозрительными спекуляциями исключает из философии традиционные мировоззренческие проблемы, ликвидирует философскую (мировоззренческую) значимость науки» [Митрохин, 1974, с. 22–23]. **Буржуазная философия науки интерпретировалась** как разновидность новейшего позитивизма. В официальном советском научном тезаурусе и в марксистской философии было принято говорить о «философских вопросах естествознания». Так же именовалась в номенклатуре Высшей аттестационной комиссии соответствующая специальность. Соответствующий термин «философия науки и техники» официально был введен уже в постсоветское время.

Между тем те, кто занимался философскими вопросами естествознания, вызывали у некоторых коллег настороженность, а часто и открытое неприятие. Довольно характерна неприятная история, которая произошла в начале 1980-х гг. с известными уже в тот момент советскими философами – Н.И. Кузнецовой, М.А. Розовым и Ю.А. Шрейдером. Ими был подписан договор с издательством (Политиздатом) на подготовку популярной книги по науковедению, причем появление такого рода книги неформально поддерживалось некоторыми представителями аппарата ЦК КПСС. Однако некоторые рецензии на готовую рукопись книги усмотрели в ее содержании «идеологически чуждое, антисоветское, антимарксистское, антиленинское». Так, очень influential в то время профессор В.С. Готт, придерживающийся обычно умеренных идеологических взглядов, замечал, что «к недостаткам рукописи следует отнести отсутствие последовательности и четкости в проведении диалектико-материалистической методологии через всю работу», авторы «недостаточно показывают коренное отличие культуры развитого социализма от современной буржуазной культуры», от рукописи «веет подчеркнутой беспартийностью и переоценкой роли буржуазных науковедов», а рецензент, оставшийся анонимным, вообще задыхался от негодования, ощущая идеологическую крамолу и оценивая рукопись как «идеологически вредную» [Кузнецова, Розов, Шрейдер, 2012, с. 11, 17, 18, 21]. Благо, что по отношению к авторам рукописи не последовали оргвыводы.

Терминологическое несоответствие с западной философской традицией, впрочем, вовсе не препятствовало советским философам генерировать и развивать именно концепции в духе западной эпистемологии и философии науки. Однако развивать их было допустимо в облики марксистского концептуального аппарата. Здесь ими иногда демонстрировалось виртуозное владение этим аппаратом. За внешним частоколом цитат из К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина часто скрывалось нетривиальное содержание, которое не вполне могло соответствовать традиционным канонам марксистско-ленинской доктрины и/или даже противоречило ей. Впрочем, прикрытие из цитат Маркса и Ленина применялось не всегда и не было абсолютно предзаданным. Например, В.П. Бранский в своей объемной книге по философии физики (почти 200 страниц), изданной в 1973 г., сослался на В.И. Ленина всего дважды, а труды К. Маркса и Ф. Энгельса вообще «проигнорировал» [Бранский, 1973]. Впрочем, В.П. Бранский хотя и развивал идею гносеологического негеоцентризма [там же, с. 95], которая касалась специфики познания несоизмеренного нам мира, но строго ограничивал ее сферой физического знания, не претендуя на далеко идущие (а потому способные вызвать подозрения идеологических беготийцев) философские выводы.

Даже деятельностный подход, который естественным образом вырастает из марксизма, вспоминает В.А. Лекторский, «принимался в штыки *официальной* советской философией» [Лекторский, 2014б, с. 252; курсив мой. – В.Б.]. Это феномен неортодоксального марксизма в эпоху господства ортодоксального марксизма в советскую эпоху.

Субъект и объект в контексте марксистских формул: деятельностный подход И.С. Алексеева

Игорь Серафимович Алексеев (1935–1988) являлся крупным специалистом в области философских вопросов физики. В его книге «Концепция дополнительности: историко-методологический анализ» [Алексеев, 1978] подробно рассмотрены обстоятельства и мотивы рождения принципа дополнительности, его анализ в зарубежной и отечественной литературе. И.С. Алексеев считал себя, как он неоднократно уверял автора этих строк, «верным боровцем» (последователем Н. Бора), и он очень бережно препарировал боровские идеи. Однако И.С. Алексеев являлся и сторонником деятельностного подхода, основания которого он усматривал в идее дополнительности. Поэтому в этой книге он предлагает весьма оригинальную концепцию познавательного процесса в контексте деятельностного подхода. Соответствующий раздел им назван «Опыт диалектико-материалистической интерпретации концепции дополнительности» [Алексеев, 1978, гл. 5, § 2], и начинается

он с цитирования первого тезиса К. Маркса о Фейербахе, в котором рассмотрение действительности только «в форме объекта» связывается с «созерцательностью», присущей додиалектическому материализму, и указывается на необходимость рассмотрения действительности как практики. «Если бы роль практики сводилась только к активному воздействию на действительность, – рассуждает И.С. Алексеев, – то созерцательность домарксовского материализма осталась бы непреодоленной, изменив лишь форму своего проявления...». «Пассивная» созерцательность была бы заменена на «активную», и «практика подходила бы к материальной действительности извне, сама не будучи действительностью» [Алексеев, 1978, с. 210]. Практика же, ссылаясь уже на В.И. Ленина И.С. Алексеев, «имеет не только феноменальное (в юмистском и кантианском смысле слова), но и объективно-реальное значение» [Ленин, 1968, с. 106], существует «2 формы *объективного* процесса: природа и *целеполагающая* деятельность человека» [Ленин, 1969, с. 170]. Следовательно, заключает И.С. Алексеев вслед за классиками, «*практика тоже есть материальная действительность... воздействие практики на действительность осуществляется на “извне”, а “изнутри” последней. <...> Это – воздействие одной формы объективной действительности на другую – воздействие действительности “в форме деятельности” на действительность “в форме объекта”... субъект включается в состав материальной действительности в качестве ее специфического фрагмента и перестает иметь сознание в качестве своего единственного конституирующего свойства*» [Алексеев, 1978, с. 210–211]. Далее И.С. Алексеев обильно цитирует К. Маркса и В.И. Ленина в связи с рассмотрением содержания понятий «объект», «объектность», «объективность», «субъект», «субъективное»; каждый его шаг в рассуждениях подкрепляется соответствующими высказываниями, но за этими цитатами кроется тщательно скрываемая ревизия ленинского положения о том, что объект существует помимо субъекта, тогда как в гносеологическом смысле объект определяется деятельностью субъекта. Познание представляется как процесс погружения субъективного в объективное, а объективная истина характеризует «глубину» этого погружения, степень совпадения субъекта и объекта, она преодолевает, «снимает» исходную (для познания) противопоставленность объективного субъективному. «В ходе материального практического воздействия на внешний объективный мир, – продолжает развивать классиков марксизма-ленинизма И.С. Алексеев, – последний как бы отвечает (утвердительно или отрицательно) на вопросы, заданные ему с помощью субъективных понятий...» [Алексеев, 1978, с. 214–215]. Далее автор предлагает наиболее далеко идущий тезис – тезис, который уж явно нельзя вычитать ни у Маркса, ни у Ленина: *онтологический статус деятельности носит более фундаментальный характер, нежели существование отдельных объектов-вещей.*

После данного заключения И.С. Алексеев возвращается к концепции дополнительности и интерпретирует ее под углом зрения деятельностного подхода: целостность «явления», по Бору, представляется как фрагмент «полной действительности», подразделение целостного процесса наблюдения на наблюдаемый объект («вещь») и средства наблюдения (приборы) как аналогия с подразделением деятельности на объект и субъект, а эксперимент в физике определяется как разновидность практики и т. д. [Алексеев, 1978, с. 226–227].

Данный параграф, как и полагалось для защиты от марксистских ортодоксов, И.С. Алексеев заканчивает залпом очередных ленинских цитат. Показывая тем самым, что *у классиков марксизма-ленинизма можно найти поддержку едва ли не для всех случаев в жизни.*

Аналогично поступает и В.П. Хютт, который также (хотя и не в столь радикальном варианте) касался проблемы соотношения объективного и субъективного, их единства в знании и осмысливал проблему «вычеканивания субъективности» в квантовой механике [Хютт, 1977, с. 108–115]. Концепция дополнительности предоставляла широкие возможности для гносеологических и даже культурологических исследований. Так, тот же В.П. Хютт делал попытки проанализировать художественный метод Ф.М. Достоевского в свете научной методологии дополнительности Н. Бора [там же, с. 166–179].

Гносеология как эмпирическая наука, наука как социальная эстафета: деятельностный подход М.А. Розова

Весьма оригинальным отечественным эпистемологом и философом науки являлся Михаил Александрович Розов (1930–2011). В начале 1970-х гг. он провозгласил программу развития гносеологии как эмпирической науки и анализа науки сквозь призму этой эмпирически понимаемой гносеологии [Розов, 1977].

М.А. Розов фиксирует своего рода парадокс (он его называет парадокс Мидаса): результат анализа (знания) есть необходимое условие существования анализируемого объекта [Розов, 1977, с. 41]. Это значит, что (в гносеологии) мы не смогли отделить себя от объекта, как это имеет место в естественнонаучном познании, и, таким образом, не можем претендовать на реальное объективное знание. Поэтому необходимо занять надрефлексивную позицию³, в качестве мето-

³ Идея надрефлексивного статуса исследователя науки занимала и некоторых других советских ученых. Так, такую позицию, апеллируя к «диалектичности познания», которая предполагает не просто различие, а противоположность позиций гносеолога и представителя естествознания, пытался найти Ю.А. Шрейдер [Шрейдер, 1983, с. 174–175].

дологического образца взять естествознание, что позволит вырваться из порочного круга, который воссоздается парадоксом. Такая позиция позволит нам сформулировать нормативы, которые определяют развитие исследуемой системы, а познание предстанет как система с рефлексией. Основная цель рефлексии – построение или фиксация тех нормативов, которые обеспечивают функционирование системы, она представляет познание как совокупность целенаправленных актов, связанных с решением тех или иных задач... понять такой акт – значит сформулировать методы решения соответствующей задачи [Розов, 1977, с. 107, 123].

М.А. Розов начинал свою философскую жизнь со знакомства с Г.П. Щедровицким и его идеями; некоторые эти идеи в переосмысленном виде существенно повлияли на концепцию Розова; однажды «брошенная Щедровицким фраза» натолкнула М.А. на идею «социальных эстафет» – центральную идею концепции М.А. Розова [Розов, 2012, с. 303].

М.А. Розов выражает острую неудовлетворенность современным состоянием философии науки, которую он метафорически сравнивает с анатомией и физиологией [Розов, 2012, с. 15]. Вспоминая о начальных шагах по философской стезе, он приводит анекдотичное деление отечественных философов в середине XX в. на тех, кто знает английский язык, и тех, кто не знает. Первые, по мнению М.А. Розова, перелагали в виде критики буржуазной философии западные концепции⁴, а оригинальные идеи высказывали вторые. Именно к ним себя относили и Щедровицкий, и Розов, фактически в своих трудах не ссылавшиеся на оригинальные тексты своих западных коллег (стоит обратить внимание, что они редко ссылались и на коллег из своего Отечества; здесь, вероятно, стоит вспомнить рассуждение М.А. о «философии без сообщества», где он сетует на атомизацию нашего сообщества и на то, что мы замалчиваем собственные результаты) [Розов, 1988].

«Мы все тогда работали в традициях марксизма», – отмечает Розов [Розов, 2012, с. 306], но искали свежие тропинки, которые не совпадали бы со столбовой дорогой ортодоксального марксизма. Это направление М.А. называет «теневогой» философией, хотя точнее можно было бы, наверное, назвать его «неортодоксальной», «периферийной» или даже «катакомбной» – если вспомнить ис-

⁴ Действительно, если обратить внимание на работы 1960–1970-х гг. такого крупного и вовсе не конформистски, а остро критически настроенного по отношению к советскому режиму отечественного философа науки, как А.П. Огурцов, то можно заметить его склонность к преимущественно дескриптивному стилю изложения. В этом его отличие от коллег-марксистов, избегавших и фактически не допускавших ссылок на классиков марксизма-ленинизма (см., например, объемную его статью, в которой имеется лишь одна ссылка – на В.И. Ленина: [Огурцов, 1984, с. 186]).

торию советского искусства – философией. «Теневая», по Розову, в том буквальном смысле, что на нее не падал свет и благоденствия государственной советской идеологии, а не в том смысле, который связывается с «теневой» экономикой и/или «теневой» наукой. Тем более что он справедливо отмечает, что уважающие себя советские философы сторонились социальной проблематики и занимались логикой, эпистемологией (гносеологией), философскими вопросами естествознания [Розов, 2012, с. 252]. **Философия (включая гносеологию)** должна строиться как эмпирическая наука, причем своего рода «атомом», который формирует ее «тело», является «социальная эстафета» [Розов, 1986]. В основе этого – ключевого для Розова – понятия лежит понимание деятельности как социальной процедуры, программы, предполагающей наличие образцов действия. Однако отдельно взятый образец никогда не определяет четкого множества его реализации; реализация самым непосредственным образом задается контекстом [Розов, 2012, с. 21]. Сама деятельность может быть охарактеризована как волновой процесс, «куматоид», распространяющийся в социальной среде. Объектами познания являются не объекты непосредственного оперирования, вещи, а наша деятельность. Объект познания, подчеркивает автор, «продукт наших рук», сама деятельность с миром, а содержание знания оказывается социальным по самой своей природе [там же, с. 41].

Уже эти положения однозначно свидетельствуют о том, что, вопреки названию книги, Розов ведет речь не только о философии науки, сколько о новой *эпистемологической* концепции, в полной мере реализующей деятельностный подход, естественным образом приложимый и к философии науки. Концепции, которая кардинально пересматривает понимание познания как отражения; «отражение» здесь означает описание деятельности – с точки зрения ортодоксального марксизма – это чистейший субъективный идеализм [там же, с. 107]. Если использовать метафору «книги природы», то человек в процессе познания не просто ее читает (и тем самым раскрывает тайны природы), а активно пишет в соавторстве с природой. Эта метафора позволяет М.А. по-новому взглянуть на классическую теорию истины и найти аргумент в пользу ее справедливости: под реальностью, с которой сопоставляется полученное знание, следует понимать саму человеческую деятельность. «Мы сопоставляем наши знания с тем, что сами создаем», – пишет Розов [там же, с. 51]. Содержание знаний черпается не из чувственного восприятия, а из деятельности; именно деятельность выделяет из общего фона некоторые наборы свойств и связей, которые связывает в целостную картину. Именно поэтому имеет место своего рода изоморфизм теории и практики, научного и инженерного творчества; именно поэтому факта не существует без теории.

Деятельность связана с целеполагающей рефлексией, которая определяет смены целевых установок и преобразует объекты научного познания в дисциплинарные комплексы. Научное знание выступает как результат вербализации образцов деятельности. Рефлексивные преобразования, которые выражаются в смене целевых установок (разные акты осознания одного и того же, инвариантного, содержания), попеременно переносят акцент с теоретического уровня познания на эмпирический и наоборот. Эмпирическое и теоретическое можно рассматривать как разные рефлексивные «проекции» одной и той же постоянно воспроизводимой социально-эстафетной структуры. Рефлексивные преобразования выражаются в ассимиляции периферийных результатов деятельности и в трансформации того, что считалось объектом исследования, но уже осознается как средство [Розов, 2012, с. 104].

Механизм научного познания может действовать в направлении точного описания сферы применимости того или иного понятия. Это описание фактически предполагает некоторое определение, которое, в свою очередь, означает появление идеализированной конструкции. Поскольку соответствующая идеализация не может задавать четкой сферы своей реализации, рассуждает М.А. Розов, то возникает ситуация, которая подпадает под действие боровского принципа дополнительности: практическое использование понятия препятствует его точному определению, а его точное определение означает потерю возможности практического использования. И это понятно, поскольку здесь речь идет о тонком познавательном феномене, который заставляет нас вслед за И. Кантом задуматься о границах достоверного познания и осознать их *объективное* наличие, определяемое природой нашей деятельности.

Социальные эстафеты – неустойчивые образования; эта неустойчивость ответственна за инновации в познавательной и/или практической деятельности. Инновации часто представляют собой своего рода «заимствования», перенос методологических установок, выработанных для одной области, на другую, соответствующую редукцию опыта, которая может быть осмыслена в терминах метафоры. Здесь М.А. Розов имеет в виду смену контекста, который представляет собой один из наиболее типичных механизмов новаций, равно как и взаимодействие между собой различных дисциплин [там же, с. 181]. Неслучайно именно «пришельцы», не обремененные устойчивыми установками, нередко становятся новаторами в выдвижении в своей новой сфере деятельности свежих идей и «сумасшедших» концепций. Уже затем, после появления такого рода идей, на арену выходят коллекторские программы, систематизирующие информацию и упорядочивающие массивы эмпирических данных, а в конечном счете создающие и цементирующие научные сообщества [Ро-

зов, 1987, с. 10]; следует заметить, что содержание понятия исследовательской программы у Розова отличается от соответствующего понятия И. Лакатоса.

Научное исследование схоже с инженерным конструированием; особенно с ним схоже современное научное исследование, которое является «сплошным проектированием».

Подход к эпистемологии и философии науки М.А. Розова можно назвать – если использовать термин, принятый в физике, – *феноменологическим* (предположительно в духе *экстернализма*, восходящего к Б.М. Гессену).

Советская философско-методологическая мысль в 1970–1980 гг. была довольно многообразна, и в ней (хотя и в достаточно скромном объеме) присутствовали и нейтральные относительно марксистской доктрины подходы к науке, и совсем немарксистские по своему духу направления. М.Н. Эпштейн подчеркивает тот факт, что «традиция российского мышления не прерывалась даже самое тяжелое для нее время», а в 1960–1980 гг. происходит «третье философское пробуждение» [Эпштейн, 2014, с. 75–80], причем в отечественной философии были (и остаются) представленными все основные направления мировой философской мысли. «Наряду с догматиками и приспособленцами, – замечает В.А. Лекторский, – творили выдающиеся умы, яркие личности» [Лекторский, 2014а, с. 24]. Эти умы развивали и деятельностный подход, который позволял предлагать глубокие и оригинальные концепции.

Список литературы

Акчурин, 2000 – Акчурин И.А. Вспоминая с любовью («Амаркорд») // Философия естествознания: ретроспективный взгляд. М.: ИФ РАН. 2000. С. 65–81.

Ахундов, Баженов, 1989 – Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Философия и физика в СССР. М.: Знание, 1989. 64 с.

Ахундов, Баженов, 2000 – Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Отношения философии и физики в годы советской власти // Философия естествознания: ретроспективный взгляд / Отв. ред. Ю.В. Сачков. М.: ИФ РАН. 2000. С. 188–213.

Бажанов, 2007 – Бажанов В.А. История логики в России и СССР. М.: Канон+, 2007. 336 с.

Бажанов, 2009 – Бажанов В.А. Идеологизация науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 266.

Баженов, 1976 – Баженов Л.Б. Дополнительность и единство противоположностей // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика / Под ред. Л.Б. Баженова, У.А. Раджабова, Ю.В. Сачкова. М.: Наука. 1976. С. 5–15.

Бранский, 1973 – Бранский В.П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 176 с.

Кузнецова, Розов, 2000 – *Кузнецова Н.И., Розов М.А.* Из истории советской эпистемологии: жизнь и труды И.В. Кузнецова // *Философия естествознания: ретроспективный взгляд.* М.: ИФ РАН. 2000. С. 230–254.

Кузнецова, Розов, Шрейдер, 2012 – *Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А.* Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012. 560 с.

Лекторский, 2014а – *Лекторский В.А.* Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В.А. Лекторского.* М.: Полит. энцикл., 2014. С. 23–41.

Лекторский, 2014б – *Лекторский В.А.* Деятельностные концепции в советской философии, когнитивная наука и современный конструктивизм // *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В.А. Лекторского.* М.: Полит. энцикл., 2014б. С. 247–265.

Ленин, 1968 – *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. 525 с.

Ленин, 1969 – *Ленин В.И.* Философские тетради // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Политиздат, 1969. 782 с.

Митрохин, 1974 – *Митрохин Л.М.* Введение // *Буржуазная философия XX в. / Под ред. Л.Н. Митрохина, Т.И. Ойзермана, Л.Н. Шершенко.* М.: Политиздат, 1974. С. 3–37.

Огурцов, 1984 – *Огурцов А.П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // *Наука и культура.* М.: Наука, 1984. С. 159–187.

Омельяновский, 1947 – *Омельяновский М.Э.* В.И. Ленин и современная физика. М.: Изд-во АН СССР, 1947. 119 с.

Омельяновский, 1951 – *Омельяновский М.Э.* Против идеализма и идеалистических шатаний в квантовой механике // *Вопр. философии.* 1951. № 3. С. 151–166.

Омельяновский, 1956 – *Омельяновский М.Э.* Философские вопросы квантовой механики. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 269 с.

Омельяновский, 1970 – *Омельяновский М.Э.* Идеи диалектики в квантовой физике // *Философские вопросы квантовой физики.* М.: Наука, 1970. С. 19–46.

Пружинин, 2014 – *Пружинин Б.И.* Отечественная философия и методология науки 60–80-х гг. XX в.: от идеологии к науке // *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В.А. Лекторского.* М.: Полит. энцикл., 2014. С. 105–117.

Розов, 1977 – *Розов М.А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.

Розов, 1986 – *Розов М.А.* Методологические особенности гуманитарного знания // *Проблемы гуманитарного знания.* Новосибирск: Наука, 1986. С. 33–54.

Розов, 1987 – *Розов М.А.* Понятие исследовательской программы // *Исследовательские программы в современной науке / Под ред. В.В. Целищева.* Новосибирск: Наука, 1987. С. 7–26.

Розов, 1988 – *Розов М.А.* Философия без сообщества // *Вопр. философии.* 1988. № 8. С. 23–36.

Розов, 2012 – *Розов М.А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. 440 с.

Садовский Г., 1979 – *Садовский Г.* Логика революционного мышления и классовый подход к логике // Коммунист. 1979. № 11. С. 63–75.

Хютт 1977 – *Хютт В.П.* Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин: Валгус, 1977. 180 с.

Шрейдер, 1983 – *Шрейдер Ю.А.* Теория познания и феномен науки // Гносеология в системе философского мировоззрения / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Наука, 1983. С. 173–193.

Эпштейн, 2014 – *Эпштейн М.Н.* Об основных конфигурациях советской мысли в послесталинскую эпоху // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Полит. энцикл., 2014. С. 73–89.

Bazhanov, 2001 – *Bazhanov V.A.* Restoration: S.A. Yanovskaya's Path in Logic // History and Philosophy of Logic, 2001. Vol. 22. No. 3. P. 129–133.

McCumber, 2001 – *McCumber J.* Time in the Ditch: American Philosophy and the McCarthy Era. Evanston Il. Northwestern University press, 2001. 213 p.

Reisch, 2005 – *Reisch G.A.* How the Cold War Transformed Philosophy of Science: To the Icy Slopes of Logic. Cambridge, etc., Cambridge University Press, 2005. 434 p.

References

Akchurin, I. A. “Vspominaya s lyubov’yu («Amarkord»)” [Recollecting with Love (“Amrkord”)], in: *Filosofiya yestestvoznaniya: retrospektivnyy vzglyad* [Philosophy of Natural Sciences: Retrospective View]. Moscow: IPh RAS, 2000, pp. 65–81. (In Russian)

Akhundov, M. D., Bazhenov, L. B. *Filosofiya i fizika v SSSR* [Philosophy and Physics in the USSR]. Moscow: Znanie, 1989. 64 pp. (In Russian)

Akhundov, M. D., Bazhenov, L. B. “Otnosheniya filosofii i fiziki v gody sovetskoy vlast” [Philosophy and Physics during Soviet Epoch], in: Sachkov, Yu. V. (ed.). *Filosofiya yestestvoznaniya: retrospektivnyy vzglyad* [Philosophy of Natural Sciences: Retrospective View]. Moscow: IPh RAS, 2000, pp. 188–213. (In Russian)

Bazhanov, V. A. “Restoration: S. A. Yanovskaya's Path in Logic”, *History and Philosophy of Logic*, 2001, vol. 22, no. 3, pp. 129–133

Bazhanov, V. A. *Istoriya logiki v Rossii i SSSR* [History of Logic in Russia and the USSR]. Moscow: Kanon+, 2007. 336 pp. (In Russian)

Bazhanov, V. A. “Ideologizatsiya nauki” [Ideologization of Science], in: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+, 2009. 266 pp. (In Russian)

Bazhenov, L. B. “Dopolnitel’nost’ i yedinstvo protivopolozhnostey” [Complementarity and Unity of Opposites], in: Bazhenov, L. B., Radjabov U. A., Sachkov, Yu. V. (eds.). *Printsip dopolnitel’nosti i materialisticheskaya dialektika* [Principle of Complementarity and Materialistic Dialectic]. Moscow: Nauka, 1976, pp. 5–15. (In Russian)

Bransky, V. P. *Filosofskiye osnovaniya problemy sinteza relyativistskikh i kvantovykh printsipov* [Philosophical Foundations of Relativistic and Quantum Principles Synthesis]. Leningrad: Leningrad University press, 1973. 176 pp. (In Russian)

Epstein, M. N. "Ob osnovnykh konfiguratsiyakh sovetskoy mysli v poslestalinskuyu epokhu" [Main Fashion of Soviet Thought in Post-Stalinist Epoch], in: Lektorsky, V. A. (ed.). *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and Discussions in Philosophy of Russia in the Second Part of XX Century: Contemporary View]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, pp. 73–89. (In Russian)

Hutt, V. P. *Kontseptsiya dopolnitel'nosti i problema ob'yektivnosti fizicheskogo znaniya* [Conception of Complementarity and Problem of Objectivity of Physical Knowledge]. Tallin: Valgus, 1977. 180 pp. (In Russian)

Kuznetsova, N. I., Rozov, M. A. "Iz istorii sovetskoy epistemologii: zhizn' i trudy I. V. Kuznetsova" [From the History of Soviet Epistemology: Life and Works of I. V. Kuznetsov], in: Sachkov, Yu. V. (ed.). *Filosofiya yestestvoznaniya: retrospektivnyy vzglyad* [Philosophy of Natural Sciences: Retrospective View]. Moscow: IPh RAS, 2000, pp. 230–254. (In Russian)

Kuznetsova, N. I., Rozov, M. A., Shreider, Y. A. *Ob'yekt issledovaniya – nauka* [The Object of Study – Science]. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 560 pp. (In Russian)

Lektorsky, V. A. "Filosofiya Rossii vtoroy poloviny XX v. kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen" [Philosophy of Russia in the Second Part of XX Century as Cultural Phenomenon], in: Lektorsky, V. A. (ed.). *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and Discussions in Philosophy of Russia in the Second Part of XX Century: Contemporary View]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, pp. 23–41. (In Russian)

Lektorsky, V. A. "Deyatel'nostnyye kontseptsii v sovetskoy filosofii, kognitivnaya nauka i sovremennyy konstruktivizm" [Activity Conceptions in Soviet Philosophy, Cognitive Science and Modern Constructivism], in: Lektorsky, V. A. (ed.). *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and Discussions in Philosophy of Russia in the Second Part of XX Century: Contemporary View]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, pp. 247–265. (In Russian)

Lenin, V. I. "Materialism empiriokrititsizm" [Materialism and empiriokriticism], in: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works], vol. 18. Moscow: Politizdat, 1968. 525 pp. (In Russian)

Lenin, V. I. *Filosofskie Tetradi* [Philosophical Papers], in: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. vol. 29. Moscow: Politizdat, 1969. 782 pp. (In Russian)

McCumber, J. *Time in the Ditch: American Philosophy and the McCarthy Era*. Evanston IL. Northwestern University press, 2001. 213 pp.

Mitrokhin, L. M. Vvedenie [Introduction], in: L. N. Mitrokhin, T. I. Oiserman, L. N. Shershenko (eds.). *Burzhuznaya filosofiya XX veka* [Bourgeois Philosophy in XX Century]. Moscow: Izdatelstvo Inostrannoy literatury, 1974, pp. 3–37. (In Russian)

Ogurtsov, A. P. "Istoriya yestestvoznaniya, idealy nauchnosti i tsennosti kul'tury" [History of Natural Science, Ideals of Science and Values of Culture], in: *Nauka i kul'tura* [Science and Culture]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 159–187. (In Russian)

Omelyanovsky, M. E. *V. I. Lenin i sovremennaya fizika* [V. I. Lenin and Contemporary Physics]. Moscow: Academy of the USSR press, 1947. 119 pp. (In Russian)

Omelyanovsky, M. E. “Protiv idealizma i idealisticheskikh shataniy v kvantovoy mekhanike” [Against Idealism and Idealistic Vacillations in Quantum Mechanics], *Voprosy filosofii*, 1951, no. 3, pp. 151–166. (In Russian)

Omelyanovsky, M. E. *Filosofskiye voprosy kvantovoy mekhaniki* [Philosophical Problems in Quantum Mechanics]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1956. 269 pp. (In Russian)

Omelyanovsky, M. E. “Idei dialektiki v kvantovoy fizike” [Ideas of Dialectics in Quantum Physics], in: *Filosofskiye voprosy kvantovoy fiziki* [Philosophical Problems in Quantum Physics]. Moscow: Nauka, 1970, pp. 19–46. (In Russian)

Pruzhinin, B. I. “Otechestvennaya filosofiya i metodologiya nauki 60-80-kh gg. XX v.: ot ideologii k nauke” [Domestic Philosophy and Methodology of Science in 1960–1980’s], in: Lektorsky, V. A. (ed.). *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and Discussions in Philosophy of Russia in the Second Part of XX Century: Contemporary View]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, pp. 105–117. (In Russian)

Reisch, G. A. *How the Cold War Transformed Philosophy of Science: To the Icy Slopes of Logic*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 2005. 434 pp.

Rozov, M. A. *Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy* [Problems of Empirical Analysis of Scientific Knowledge]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 222 pp. (In Russian)

Rozov, M. A. Metodologicheskiye osobennosti gumanitarnogo znaniya [Methodological Traits of Humanities], in: *Problemy gumanitarnogo znaniya* [Problems of Humanities]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 33–54. (In Russian)

Rozov, M. A. Ponyatiye issledovatel’skoy programmy [The Concept of Research Program], in: Tselishev, V. V. (ed.). *Issledovatel’skiye programmy v sovremennoy nauke* [Research Programs in Modern Science]. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 7–26. (In Russian)

Rozov, M. A. Filosofiya bez soobshchestva [Philosophy Devoid of Scientific Community], *Voprosy filosofii*, 1988, no. 8, pp. 23–36. (In Russian)

Rozov, M. A. *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of Science in a New Vision]. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 440 pp. (In Russian)

Sadovsky, G. “Logika revolyutsionnogo myshleniya i klassovyy podkhod k logike” [Logic of Revolutionary Thought and Class Approach to Logic], *Kommunist*, 1979, no. 11, pp. 63–75. (In Russian)

Schreider, Y. A. “Teoriya poznaniya i fenomen nauki” [Theory of Knowledge and Phenomenon of Science], in: Lektorsky, V. A. (ed.). *Gnoseologiya v sisteme filosofskogo mirovozzreniya* [Gnoseology in Worldview System]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 173–193. (In Russian)